

Литературная газета

Воскресенье, 26 сентября 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 52 (688)

Шире подготовку к выборам в Верховный Совет СССР!

Приближается событие огромной важности в политической жизни нашей страны — выборы в Верховный Совет СССР. Рабочие, колхозники, служащие, красноармейцы, советская интеллигенция готовятся к выборам в органы власти, изучая Сталинскую Конституцию и Избирательный закон. С огромным интересом трудящиеся занимаются в тысячах кружков, глубоко осваивая принципы советской социалистической демократии, тщательно изучая порядок и технику выборов. В процессе подготовки к выборам растут политическая активность и зрелость народных масс.

Подготовка к выборам неразрывно связана с подготовкой к радостному празднику советского народа — двадцатилетию Великой социалистической революции в СССР. Сталинская Конституция — замечательный итог победы социализма в нашей стране, она — «заповедное и записанное» в результате отчаянной борьбы рабочих и крестьян, руководимых партией Ленина — Сталина, за построение социалистического общества. Готовясь к выборам в Верховный Совет, трудящиеся обдумывают пройденный путь, славный путь двадцатилетней борьбы, приведшей к победе над эксплуататорами, к творчески-радостной и счастливой жизни в свободной стране.

Задача активной пропаганды Конституции и Избирательного закона, ознакомления всех без исключения трудящихся с порядком и техникой выборов — основная задача всей партийной и политико-просветительской работы. Каждый избиратель в нашей стране должен исчерпывающе знать эти важнейшие политические документы, вникать в них, чтобы активно, сознательно участвовать в голосовании, понимая всю важность и ответственность этого момента в своей политической жизни.

Миллионы советских людей, борясь с деятельностью социализма, идущие к избирательным урнам, должны быть готовы к тому, чтобы дать отпор прохвостам гнусных врагов социализма, которые восточные старатели усилили свою «работу» в период подготовки к выборам в самих выборах. Остатки разбитых эксплуататорских классов, остатки контрреволюционно-фашистского контрреволюционного, буржуазно-националистического, помы — вся эта контрреволюционная грязь пытается и будет пытаться предать нам в ходе подготовки к выборам и самой избирательной кампании. Эти гнусные попытки будут разоблачены и разгромлены советским народом, вооруженным большевистской бдительностью, сплоченным вокруг партии Ленина — Сталина, готовым к защите великой страны социалистической демократии!

В работе по подготовке к выборам в Верховный Совет выдвигаются новые кадры партийных и беспартийных активистов из рабочих, колхозников, служащих, учителей, врачей и т. д., политически-сознательных и квалифицированных людей, помощников партии и правительства в проведении избирательной кампании. Они пополняют ряды лучших агитаторов и пропагандистов, умеющих просто и понятно рассказать о победах социализма, о задачах советского народа в избирательной кампании. Они помогают бороться с недостатками в работе советов, в постановке массовой работы партийных и советских организаций. Надо всеми мерами стремиться к увеличению числа таких помощников партии и правительства, к выращиванию новых кадров активистов — участников подготовки к выборам и самой избирательной кампании. В каждом кружке по изучению

Конституции и нового избирательного закона есть такие люди — надо помочь их росту, их учебе, привлечь их к активной работе.

Надо прямо сказать, что подготовка к выборам во многих партийных организациях писателей и правлениях ССП идет совершенно неудовлетворительно. Плохой пример подадут здесь московская парторганизация писателей и правление ССП СССР, только в последние дни начавшие «думать» по этому поводу. До настоящей, широко поставленной работы здесь еще дело не дошло. Такое же положение в Ленинграде. Совсем ничего не делается в Минске. Между тем время не ждет. Задача подготовки писательских организаций к выборам весьма обширна, и никакое промедление в решении их недопустимо.

Надо прежде всего добиться широкого охвата писателей кружками по изучению Конституции и Избирательного закона. Смысл в том, что писатели, мол, могут индивидуально, без организации кружков изучить эти документы партии, надо отбросить, как оппортунистическую болтовню. Десятки фактов свидетельствуют о громадном интересе писателей, особенно писательской молодежи, к изучению принципов Сталинской Конституции и Избирательного закона, и желании коллективно работать над их изучением. Нет нужды говорить о том, что эта работа неразрывно связана с творческой деятельностью каждого писателя. Здесь, в кружках, руководящие органы ССП смогут выявить кадры политически проверенных, преданных партии и советской власти писателей, которые могут и должны быть привлечены к широкому участию в агитационно-просветительской работе по подготовке к выборам и в избирательной кампании. Надо обеспечить кружкам квалифицированное, ответственное руководство, поставить кружки в центр внимания партийных комитетов и партруководителей ССП. Первый робкий опыт московских писательских организаций, выделивших небольшую группу писателей для агитационной работы по подготовке к выборам, должен быть расширен и введен в практику всех писательских организаций. И в этом деле решающую роль сыграет разветвление кружков по изучению Конституции и Избирательного закона: здесь можно будет выявить и отобрать политически-проверенных и способных людей.

Другая задача писательских организаций — привлечение писателей к творческой работе по подготовке к выборам. Оперативный художественный очерк, рассказ, стихи, песни, агитационная записка, фельетон, подлинные плакаты, боевая листовка — вот огромное поле приложения сил литераторов. Правления ССП СССР и республиканских организаций не должны пассивно выжидать, пока кто-то призовет их к этой работе, даст заказы. Секциями поэтов, драматургов, прозаиков, редакциями журналов и газет ССП необходимо немедленно созвать писателей и конкретно договориться о выполняемой каждой работе. Нужно организовать широкий поток новых произведений различных жанров, произведений, которые помогали бы партийным и советским организациям в деле подготовки и проведения избирательной кампании, входивших и проследовали трудящиеся массы, громады врагов.

Время осталось немного. Подготовка к выборам в Верховный Совет должна стать основной деятельностью всех писательских организаций, главным содержанием их политической работы.

Снова стихами победы
Площадь Красная полна;
Снова песнями воспыл
Дорогие имена.

И народ плывет, как победа...
И снова лозунги побед
Раздаются чей-то лепет:
— Маме
тоже
двадцать
лет.

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ.

Плакат художника М. Жукова со стихами И. Сельвинского из серии, выпускаемой Издательством 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Навстречу 20-летию Великой
пролетарской революции

Юбилейный репертуар театров СССР

Близится торжественная дата двадцатилетия Великой пролетарской социалистической революции.

Детально готовятся к 7 ноября театры Советского Союза, юбилейные постановки которых явятся творческим отчетом советскому зрителю.

Четырнадцать театров Страны Советов ставят 7 ноября пьесу К. Тренева «На берегу Невы», юбилейную общественно-политическую постановку, идейную дифференциацию и эмоциональную в период между декадью и Октябрем 1917 года.

Десять театров остановили свой выбор на пьесе Н. Вирта «Земля», тема которой — борьба с асеровской контрреволюцией на Тамбовщине.

Театры Ленинграда, Одессы, Харькова, Кирова, Челябинска и других городов готовят пьесу Ю. Яновского «Дума о Британке», посвященную эпохе гражданской войны на Украине.

Еврейские театры Москвы, Киева, Одессы, Баку, Минска, Ташкента, Вильнюса покажут пьесу П. Маркина «Семья Овдима».

Детские театры страны избрали для юбилейного спектакля пьесы — В. Катаева «Беллет парус одиноким», А. Бруштейн «Нас семеро» и инсценировку романа Н. Островского «Как закалялась сталь».

В азербайджанском, казахском, туркменском театрах, в театрах Владивостока, Саранска, Симферополя и др. пойдет пьеса Тренева «Любовь Яровая».

В юбилейный репертуар театры страны включили также пьесу Корнейчука «Правда», «Ваню» Н. Никитина, «Антон» В. Каверина, «Бесполойная старость» Рахманова, «Очная ставка» Шейнина и братьев Тур, а также пьесу В. Биль-Белоперского «Шторы».

Почти все перечисленные пьесы появятся на сценах московских театров.

Пьесу К. Тренева «На берегу Невы», в постановке Хохлова, покажет Государственный Малый театр.

Театр им. Вахтангова покажет 7 ноября пьесу Н. Погодина «Человек с ружьем». Это пьеса о Ленине. В основу ее была положена эпизод, рассказанный товарищем Лениным во время его доклада на III Всероссийском съезде советов 24(11) января 1918 г.

Вот этот эпизод: «Я позволяю себе рассказывать один интересный со мной случай. Дело было в вагоне Финляндской железной дороги, где мне пришлось слышать разговор между несколькими финнами и одной старушкой. Я не мог принимать участия в разговоре, так как не знал финского языка, но ко мне обратился один финн и сказал: «Знаете, какую оригинальную вещь сказала эта старуха? Она сказала: теперь надо бояться человека с ружьем. Когда

Вчера открылось очередное заседание правления союза советских писателей. На заседании присутствуют представители Украины, Белоруссии, Ленинграда, Калмыкии, Мордовской АССР, Республики Коми, Республики Немцев Поволжья, Дальнего Востока и других местных организаций, а также актив московской организации.

Первым на повестке дня президиума стоял вопрос о приеме новых членов и кандидатов по Москве и Ленинграду. Однако, как выяснилось, ни Москва, ни Ленинград не подготовили этого вопроса. Представители Ленинграда еще на прошлом заседании заявляли, что у них подготовлен вопрос о двадцати кандидатах, однако доклад Ленинграда о приеме новых членов оказался неточным и к настоящему заседанию.

Не сумев подготовить докладов о приеме новых членов и кандидатов по Москве и т. Фалеев, Павленко и Сурков, которым это было поручено.

да я была в это, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять у меня мой хвост, он еще прибавил мне». (Ленин, т. XXI).

Надо ли говорить о том, — сообщил нам Н. Погодин, — что главная трудность в работе над пьесой заключалась в создании образа Ленина. Свою работу я строил вначале на мемуарных материалах. Ленин являлся для воспоминаний чужим, отчужденным, добрым человеком, необычайно внимательным к людям. Я постарался вложить эти черты в мой образ Ленина, но должен признать, что он получился у меня несколько односторонним, одиозным. Тогда, по совету директора Музея Ленина т. Н. Н. Рабичева, я обратился к документам, письмам, описанным фактам и к другим материалам, хранящимся в музее. Они помогли мне, по-новому раскрыть образ Ленина, сделать его более сложным и многогранным, чем он получился у меня первоначально. Желая, не упустить из виду, что являюсь свидетелем, а не участником, безотказно, к вранью, ко всему, что вредило революции, — вот те черты, без которых немыслим художественный образ, претендующий хотя бы на отдаленное сходство с образом мирового пролетариата.

Роль Ленина в пьесе Погодина, как известно, играет народный артист СССР В. В. Шуклин. Станет пьесу заслуженный артист Р. Н. Симонов.

«Дума о Британке» Ю. Яновского пойдет в Камерном театре в постановке народного артиста республики А. Я. Таирова. Оформление «Думы о Британке» поручено молодым украинским художникам Е. К. Коваленко и В. С. Кривошеиной.

Параллельно с «Думой о Британке» театр готовит пьесу «Кочубей» по одноименному роману А. Первенцева, в переводе автора и Н. Охлопкова. Эта пьеса будет показана также в праздничные дни. Станет ее Н. Охлопков.

Над пьесой А. Корнейчука «Правда» работает Московский театр революции. Станет спектакль заслуженный деятель искусств Н. В. Петров. Художник спектакля — Ф. Кондратов.

Театр имени МОСПС ставит пьесу Н. Никитина «Апшеронская ночь» («Баку»). Задача театра — показать взятие Баку восставшим бакинским пролетариатом и Красной Армией.

Станет «Апшеронскую ночь» народный артист РСФСР Е. О. Любимов-Ланской.

В этой постановке, — говорит он, — театр продолжает поиски стиля современного романтического спектакля, способного отобразить героические события великой эпохи.

Театр им. МОСПС соревнуется с московскими театрами революции.

В спектакле, даже в самых маленьких ролях, заняты лучшие артисты труппы. Художник спектакля — Б. Волков, композитор — В. Белый.

В президиум правления ССП

Персонально, вне доклада организации, приняты в члены союза тт. Сергей Михайлов, Василий Гроссман, Виктор Гроссман, и Илья Френкель.

Предложенная кандидатура очеркиста Леонида Карпова в члены союза была отвергнута, в связи с неясностью его творческого лица.

Президиуму пришлось констатировать невыполнение и другого задания, данного им на предыдущем заседании, задания об организации секции прозаиков. Тт. Фалеев и Павленко предложено ускорить реализацию этого задания.

Далее президиум приступил к обсуждению вопроса о песенном жанре. С докладом выступил т. Демьян Бедный. Обсуждение вопроса было перенесено на вечернее заседание.

На утреннем заседании выступили по этому вопросу поэты В. Гусев и Лебедь-Кузьмич. Подробный отчет о заседании президиума будет дан в след. номере газеты.

Дневник

«Литературной газеты»

С глубокой радостью, с чувством искреннего удовлетворения встретил народные массы Советского Союза постановление правительства о награждении Малого Театра и его выдающихся деятелей орденами и о присвоении ряду его работников звания народного артиста СССР, народного артиста РСФСР и заслуженного артиста республики.

Этим актом советское правительство еще и еще раз продемонстрировало всю меру уважения, которым пользуется в нашей стране люди, продолжающие в своей творческой деятельности славные, героические традиции великого русского искусства, и высоко несущие знамя искусства социализма.

С неустойчивой страстью ополчались актеры Малого Театра, начиная от мученика Шенкина и продолжая его бессмертными наследниками — Садовским, Рыбаковым, Ермоловым, Федотовым, Южником, Ленским и др., против дешевого шутарства на сцене, против полуполучающего натурализма, против формалистического пугательства и кривляния, против бездушия, ограниченного «профессионализма».

«Наша сфера пламенела жалкой полдыней, стремление к свободе и братству», — пишет в своих воспоминаниях народная артистка СССР А. Яблочкина.

И это — не слова. «Жажда полноты, стремление к свободе и братству» и определил тот факт, что Малый Театр сумел еще в прошлом веке стать театром величайшей русской и мировой драматургии, вопреки тупой репертуарной политике императорских «хранителей», и на подмостках Малого Театра оживили великие образы Шекспира, Шиллера, Лопе де Вега, Гюго и других классиков, будничные неважные к самодержавному гнету, открывавшие радостной надеждой на лучшее будущее, призывавшие к действию.

Особенно велики и неоценимы заслуги Малого Театра перед русской литературой, перед русской драматургией. Имена Гребоводова, Гоголя, Островского, Льва Толстого, Сухово-Кобылина неразрывно связаны с именем Малого Театра, неустанно пропагандировавшего творчество этих гигантов.

Всякие леваки и оппортунисты, Иваны Безродные и просто предатели типа Бухарина, которые рады делать все, что может объединить революционный пролетариат, отбрасывали одно время мысль о необходимости ликвидации Малого Театра, как, впрочем, и других культурных и художественных организаций, возникших до революции. Партия и правительство о пресечении этих стремлений этих лживых, якобы заботившихся о чистоте пролетарской идеологии. Еще в 1920 году А. В. Луначарский, осуществлявший по прямой директиве Ленина политику самой бережной зашиты всех культурных богатств, достигшихся пролетариату-победителю, дал отпор прохвостам врагов.

Не замедлил дать ответ нигилистам и разрушителям культуры всей своей последующей революционной практикой и сам Малый Театр. Коллектив его понял, что только в служении народу, ставшему хозяином страны, он найдет выход из той идейной и художественной тупика, в который по приказаниям лучших его представителей, его уже почти загнала «опека» царских чиновников вроде Теляковского (директор императорских театров). Малый Театр радостно вырвался из этого опостылевшего раба революции.

На этом пути Малый Театр одержал не одну победу. Наиболее яркой из них является, безусловно, «Любовь Яровая», спектакль, насыщенный подлинным драматизмом революции и поэтому долгие многие другие спектакли коллектива Малого Театра верно продолжает осуществлять великие традиции своего прошлого, и, вместе с тем, он неразрывно связан с современностью, он активно участвует в жизни и борьбе социалистического народа.

Народ по достоинству оценил творческий путь старейшего русского театра, его огромные исторические заслуги перед русской культурой, перед советской общественностью. Выражением этой оценки и явилось знаменательное постановление советского правительства.

ВЫСОКИЕ НАГРАДЫ

За выдающиеся успехи в области развития русского театрального искусства Центральный исполнительный комитет Союза ССР постановлением от 23 сентября 1937 года награждает Государственный академический Малый театр орденом Ленина.

Постановлением ЦИК СССР за выдающиеся заслуги в деле развития русского театрального искусства награждены:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА
Народная артистка СССР М. Н. Блюменталь-Тамарина, народные артисты РСФСР А. А. Яблочкина, Пр. М. Садовский, В. Н. Пашенная, А. А. Остужев.

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
Народные артисты РСФСР В. Н. Рыжова, М. М. Климов, Н. К. Яковлев, В. О. Массалиянова, заслуженные деятели искусств М. С. Нароков, заслуженные артисты республики Е. Д. Турчанинов, М. Ф. Ленин, Н. Н. Рыбников, Н. Ф. Костромской, Н. А. Светловников, Е. Н. Гоголева, Н. А. Боканова, Л. М. Прохоровский, А. В. Васенин, артист В. Ф. Лебедев, засл. мастер сцены художник-гример Н. М. Сорокин и заместитель директора театра З. Г. Далецкая.

ОРДЕНОМ ЗНАК ПОЧЕТА
Режиссер К. П. Хохлов, заслуженные артисты республики Л. А. Волков, С. В. Адаров, С. Б. Межвинский, А. И. Зражевский, В. А. Владиславский, Г. И. Ковров, артисты театра Н. А. Анненков, И. Ф. Краковский, Н. Н. Гремич, В. Ф. Мейер, А. А. Соловьев, Н. И. Уралов, главный бутафор А. И. Гириш.

ман, инспектор сцены А. Г. Пузанков, портниха Н. А. Подъячева, художник-декоратор М. А. Михайлов и артистка театра В. И. Найденкова.

Кроме того, почетными грамотами ЦИК СССР за заслуги в деле художественного и технического обслуживания театра награждены многие передовые артисты и работники.

НАРОДНЫЕ АРТИСТЫ СССР
Постановлением ЦИК СССР звание народного артиста СССР присвоено народным артистам РСФСР А. А. Яблочкину, П. М. Садовскому, М. М. Климову, В. Н. Рыжовой, А. А. Остужеву и В. Н. Пашенной.

НАРОДНЫЕ АРТИСТЫ РСФСР
Заслуженным артистам республики Н. Ф. Костромской, Н. А. Светловников, Е. Н. Гоголевой, Н. Н. Рыбников, Е. Д. Турчанинов, М. Ф. Ленин и заслуженному деятелю искусств М. С. Нарокову постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета присвоено звание народного артиста РСФСР.

Заслуженным артистам республики Л. М. Прохоровскому, Л. А. Волкову, С. В. Адарову, А. В. Васенину и режиссеру К. П. Хохлову присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Кроме того, звание заслуженного артиста республикой присвоено многим выдающимся артистам Малого театра.

Награжденные орденом
Ленина народные артисты
СССР. Вверху слева
направо — М. М. Блюменталь-Тамарина, А. А. Яблочкина, П. М. Садовский; внизу слева — В. Н. Пашенная, справа — А. А. Остужев.

Конкурс мастеров художественного чтения

Московские члены готовятся к празднованию двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Объявленный Всероссийским комитетом по делам искусств конкурс на лучшее исполнение художественных произведений, посвященных двадцатилетию советской власти, привлекает внимание всех мастеров художественного чтения.

Секция мастеров художественного слова Всероссийского театрального общества организовала в помощь московским членам специальную консультацию, для проведения которой привлечены крупнейшие московские артисты и специалисты по преподаванию художественного чтения. Консультация начнется 1 октября.

В. ЛУГОВСКОЙ

Шанхай

Ни шагу дальше!
Дым и гром
ложатся на Шанхай.
Несется лай японских жерд,
стальной,
угрюмый лай.
Они хрипят плывут в Усун,
пылают неба край —
Ни шагу дальше!
Жив Шанхай!
Борись и побеждай!
Пришла война,
пришла пора
померяться в бою.
Чапей горит,
горит Пути,
шума горит Хонкью,
Но в этом золотом огне,
в громах воздушных стай —
Ни шагу дальше!
Жив Шанхай!
Борись и побеждай!
Ты прежде видела,
Япцу,
великая река,
Тайпунский меч
и грозный взмах
«Большого Булака»
Тот, кто не хочет быть рабом —
готовься и вставай: —
Ни шагу дальше!
Жив Шанхай!
Окружен Шанхай!
Приходит год твоей судьбы —
великий,
страшный год.
И восемьсот миллионов рук
протопят к нему народ.

За пулеметы и рули!
Орудья заряжай!
Ни шагу дальше!
Жив Шанхай!
Неукротим Шанхай!
Бьет миг,
когда страна
до дна потрясена,
Из всех сердец
встает война,
священная война.
Народ солдату говорит:
«меня не предавай!»
Ни шагу дальше!
Жив Шанхай!
Потопи за Шанхай!
От севера
на злойный юг
летит злобный смерч,
За ним
японские штыки
несут позор и смерть.
Танкисты, летчики, стрелки,
бесслен сумраки,
Пока вы держите Шанхай
и бьетесь за Шанхай.
Пять тысяч лет
живет народ —
трудолюбив, умен,
Он хочет подняться
в полях
под сень своих знамен.
Так быть тебе
или не быть —
мужайся и решай: —
В огне Шанхай!
В крови Шанхай!
Несокрушим Шанхай!

ПРАЗДНИК КУЛЬТУРЫ

Горячо поздравляю Малый Театр и его работников с высокими наградами.

Громадная и блестящая его роль в истории русского театра, русского искусства, в истории русской национальной культуры. Поэтому праздник Малого Театра есть праздник нашей культуры.

Мне радостно приветствовать этот праздник театра еще и потому, что мои друзья были давно уже связаны с буднями Малого Театра.

Статья «Правды» о Малом Театре озаглавлена «Гордость русского театрального искусства». Если русское театральное искусство гордится Малым Театром, то, стало быть, есть чем гордиться Малому Театру!

Какие свойства Малого Театра влекут к нему советского автора? Это, конечно, — тот подлинный реализм, который есть и всегда будет содержанием и целью социалистического искусства. И еще одна несравненная особенность Малого Театра — его изумительное мастерство языка.

М. Горький писал: «Действующие лица пьесы создаются исключительно и только их речами. Это очень важно понять — только при этом условии можно говорить, что каждая фигура пьесы может говорить и действовать только так, что утверждается автором и показывается артистами сцены».

Это незыблемый закон драматургии, без которого не может быть пьесы. Мы все выполняем его в меру сил. И если та же «Любовь Яровая» продолжает жить на сцене Малого Театра, то этим она обязана в высокой степени языковому мастерству его актеров.

«Высокая награда объявляет к напряжению всех сил для выполнения своих творческих задач. Ближайшая из них — это работа над пьесой к 20-летию Великой Октябрьской Революции», — говорит артистка В. Н. Пашенная и с ней весь коллектив Малого Театра, занятый в этой отчаянно-требовательной работе.

И с коллективом — автор.

К. ТРЕМЯ.

Профессор А. В. ШЕСТАКОВ

Исторические темы советской литературы

Народы Страны Советов проявляют громадный интерес к своей истории. На советских ученых-историков возложена трудная и вместе с тем почетная задача — рассказать трудящимся СССР об их прошлом, раскрыть перед ними все историческое многообразие пути народов, населяющих первую в мире социалистическую страну.

Большую помощь в выполнении этого ответственного задания нам, историкам, должны оказать мастера художественного слова — советские писатели. При изучении истории в средней и в высшей школе нельзя ограничиться учебником. Как бы хорошо ни была составлена лекция, как бы хорошо ни была написана историческая курс, — они все же не раскрывают ученикам всего многообразия изучаемой эпохи, не исчерпывают всех фактов. Учебник и лекция дают главное, основное, общее представление об эпохе, о борьбе движущих исторических сил, краткую характеристику внешних общественных деятелей. Учебник и лекция не могут осветить с достаточной полнотой конкретные бытовые условия, в которых жили различные социальные группы в тот или иной отрезок времени, раскрыть общественную психологию той или иной эпохи и т. п. Между тем для того, чтобы хорошо разбираться в своем прошлом, нужно знать и эти «сторонные» стороны исторического процесса.

Советским прозаикам, поэтам, драматургам предстоит создать художественные произведения, которые в яркой образной форме воспринимать и в сознании читателей самые различные периоды истории в важнейших деталях и подробностях. Освещая различные этапы развития жизни в прошлом, эти произведения, не заменяя учебников и курсов истории, создавая самую природу художественного творчества — его яркость, необорзательность, занимательность, будут служить «дополнением и пособием в изучении истории». Это утверждение передовой статьи в «Литературной газете» от 10 сентября с. г. совершенно правильно.

В актуе советской литературы не мало хороших художественных произведений, отражающих различные моменты истории русского народа.

«Жизнь Князя Святослава» А. М. Горького, «Петр I» А. Толстого, «Рябин Степан» Чапыгина, «Путники», «Колос» Тютюнова и ряд других романов и повестей вполне заслуженно пользуются большим вниманием и любовью широкого читателя. Но даже популяристу ясно, что этого недостаточно. Очень многие периоды русской истории в художественной литературе абсолютно не отражены.

Как, например, освещено писателями жедовое побой? Что написали они о Новгородце, о татаро-монгольском иже, о Москве XII-XIV веков? О князе Владимире Святославиче имеется всего-навсего одна повесть Добрыниного, изданная десяти лет назад. Это хорошая книга. Правда, в ней недостаточно четко разработана проблема «насаждения без зенов», плохо показан переход от формы «полюдья» к феодальным отношениям, но автор все же нарисовал историческую картину Киевской Руси. В книге Лавина история христианства, торжества раба, Византизма, борьба с ересями и дружины. Но если в Византизме есть хотя одна книга, то об Иване Калите, Иване Третьем, Иване Грозном, Дмитрии Донском нет и того.

Между тем Дмитрий Донской, Иван Калита жили и действовали в период, который необходимо показать как можно ярче. Это был момент орой борьбы русского народа за создание крепкого единого государства, борьбы против татаро-монгольского иже, иссушающего, по определению Маркса, душу народа. Это был период, когда русское национальное государство, потом превратившееся в многонациональное, закладывало фундамент своей будущей мощи.

Много «белых пятен» находим мы в исторической беллетристике, посвященной XVII столетию. Богдан Хмельницкий, борьба Украины с Польшей, городские бунты и, в частности, знаменитое псковское восстание 1650 г. — все это темы, к которым еще ни разу не прикоснулось перо исторического романиста.

Не может удовлетворить нас и то, как отражен в литературе один из интереснейших и ответственных этапов русской истории — борьба Московского государства с западными соседями.

Мы посетили ряд московских школ, где знакомимся с запросами юных читателей в области исторической художественной литературы.

Почти во всех школах ребята и педагоги сетовали на отсутствие у нас массовых художественных изданий на исторические темы.

Ученики 9 класса 273 школы Ростокинского района, члены исторического кружка Московского Дома пионеров Нина Разумовская сказала нам:

— Ребята очень обрадовало издание «Тяги Улениншиной» Шарля де-Костера. А разве в русской истории нет таких же прекрасных легенд? Разве мало в ней тем для исторических романов? Классическая литература дала нам такие произведения, как «Борис Годунов», «Капитанская дочка», «Арап Петра Великого» — Пушкина, «Война и мир» — Толстого и многие другие произведения на исторические темы. Однако достать их в наших книжных магазинах и в библиотеках очень трудно. Книжки издаются в очень ограниченных тиражах и не всегда доступны по цене. Советские же писатели почти совсем не пишут исторических произведений, так что и издавать-то нечего.

Отрадное исключение — А. Толстой, роман которого «Петр I» ребята читают с большим увлечением.

— Меня лично, — заявляет Нина Разумовская, — очень интересуют личности Степана Разина, Емельяна Пугачева, Суворова. Хотелось бы прочесть интересные книжки о декабристах, о Чернышевском, о Степане Кахурином, Александре Ульянове.

Ученики X класса 118 школы Виктор Голпен прочел много исторических книг. Среди них «Саламбо» Флобера, «Спартак» Джованни Верги, «3-й год» Гюго, романы Валтера Скотта, Дюма, Фейхтвангера. Из русской литературы — «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Капитанская дочка» Пушкина, произведения Загоскина, «Петр I» А. Толстого и др.

сударства с поляками. Отдельные моменты этой оборонительной войны России записаны в каноническом «Борисе Годунове» Пушкина, в произведениях В. Каменского, Г. Шторма. Однако до сего времени у нас нет художественной книги, охватывающей всю эпопею борьбы Москвы с польскими интервентами.

Петровская эпоха с большим мастерством отражена в романе Алексея Толстого. Но читатель исторически не подведен к этому роману, так как «Петр I» не имеет своего предшественника. В художественной литературе он стоит одиноко, отделенный от ближайших исторических произведений несколькими десятилетиями. Конеч же XVII века заслуживает самого пристального внимания писателей. Давно назрела потребность в произведении, показывающем в художественных образах раскол, стрельбу, создание всероссийского рынка и т. д. Такое произведение подготовит читателя к раскрытию сущности петровских преобразований.

Необходимо также создать книгу о Ломоносове, которая рассказывала бы не только о жизни и работе великого русского ученого, но дава бы широкую и восторженную картину царствования Елизаветы Петровны.

Необходимо по-новому осветить в художественной литературе и войну 1812 года. Л. Толстой допустил в «Войне и мире» немало исторических неточностей, заметных специалистам с первого взгляда. В настоящее время перед наукой распахнулись новые источники, позволяющие судить о борьбе России с Наполеоном иначе, чем это было возможно в период создания «Войны и мира».

Нужно также отобразить в художественных произведениях дореформенные и реформенные крестьянские восстания с присущим им величайшим героизмом и самопожертвованием масс и в то же время с величайшим возбуждением относительно роли царя в реформе 1861 г.

Не отражены в беллетристике и такие важные разделы истории, как начало рабочего движения — возникновение марксизма в России, рабочие организации, первые стачки и пр.

Слабо показаны писателями война 1914 года, Февральская революция. Давно пора дать советским читателям большое, монументальное произведение о Великой Октябрьской социалистической революции, охватывающее и освещающее все основные моменты вооруженной борьбы пролетариата и крестьянства за власть Советов, за свержение капиталистов и помещиков.

Плохо обстоит дело с литературой, посвященной истории братских народов СССР. То, что есть — отрывочные и случайные произведения на историю народов СССР, — не разрешает задачи. Нам необходимо хорошо знать не только русскую историю, но и прошлое каждого народа, живущего и процветающего в Советском Союзе.

Между тем до сего времени по истории братских национальностей СССР нет ни одного марксистского учебника. Этот провал необходимо заполнить как можно скорее. Писатели, паравне с учеными, должны активно включиться в работу по художественному отображению исторического прошлого белорусов, украинцев, грузин, армян, народов Средней Азии, Сибири, Поволжья и др.

Это далеко не исчерпывает всех тем, которые необходимо воплотить в художественных произведениях. Но и то, что названо, конечно, потребует больших усилий, громадного творческого напряжения. Для реализации этой программы необходимо тесное сотрудничество между историками и писателями.

Историки и беллетристы должны работать рука об руку, помогая друг другу. Организовать это сотрудничество обязан союз советских писателей.

Большую роль здесь могут сыграть и издательства. Они должны привлекать историков к работе писателей. Формы этого привлечения могут быть самые разнообразные — консультации, участие в обсуждении нового произведения и т. п.

Дружная, совместная работа писателей и историков даст несомненно плодотворные результаты, вечным выражением которых явятся серия новых исторически-правдивых художественных произведений на темы истории СССР.

Виктора Голпена больше всего интересуют произведения, рисующие жизнь и быт людей в XVII—XVIII веках.

Другой ученик той же школы Алесандр Ширинин с особым интересом читает Валтера Скотта. Но он хотел бы прочесть также же увлекательные романы о выдающихся героях русской истории, о героях революционного движения и Октябрьской революции.

Интересный материал получили мы в 292 Татарской школе Ростокинского района.

Ученики V класса «В» этой школы, пионер Халим Ибрагимов сообщил нам, что лето он провел в пионерском лагере в селе Бородино.

В лагере образовался исторический кружок. Ребята рассказывали о нашествии Наполеона на Россию. Они побывали в Бородинском музее, где увидели много интересного.

Пионерский лагерь был разбит вблизи озера, откуда во время Бородинского боя Кутузов и его штаб руководили сражением.

Все это возбудило у ребят живой интерес к военным событиям 1812 года. Им хотелось бы прочесть на родном татарском языке хороший рассказ или повесть о войне 1812 года.

Ребята хотели бы также прочесть на татарском языке художественное произведение о гражданской войне, но такой книжки они не достали.

Беседы со школьниками подтвердили тот факт, что советская молодежь испытывает острую нужду в советской художественной литературе на исторические темы.

Но ни Детиздат, ни «Молодая гвардия», ни другие издательства не ушли до сих пор этих запросов нашей молодежи.

Ученица Нина Разумовская внесла хорошее деловое предложение.

Она хотела бы, чтобы в учебниках по истории печатались указатели художественной литературы на исторические темы.

Высказываясь ребята, нужно думать, найдут отклик у наших писателей и у издательских работников, и в добавление к такому замечательному подарку, как «Краткий курс истории СССР», вышедший под редакцией проф. А. В. Шестакова, они получат и новые массовые издания художественно-исторических произведений, целые библиотеки исторического чтения.

Ф. СТИГОРН.

Подготовка к выборам в Верховный Совет СССР

Вступительная беседа

Партийный и комсомольский комитеты ССР СССР выделили группу писателей и работников аппарата для работы по пропаганде избирательного закона среди неорганизованного населения г. Москвы.

Ниже мы печатаем заметки одного из писателей, проводивших эту работу.

■ ■ ■

Переглянулись, заулыбались.

— И верно, что клуб.

И поспылилась одна за другой жалоба на правление жакта, на управдома. Стены год как не белели. А от примусов чад, не продохнешь. Вытяжки нет, сто раз просили правление поставить вытяжки, там только обещают. В других домах красные уголки, хозяйки в кружках занимаются разными, а у нас было подлощенное помещение, да домтрест отобрал. Культкомиссия никакой работы не велит.

— Вот видите, сколько у вас вопросов, а говорите незачем собираться. Обязательно надо собираться! — посмеивается докладчик.

Кухня к этому времени уже выполнена. Сидят на скамьях, на подоконниках. Обсели со всех сторон плиты. Домашние хозяйки сидят вперемежку с нянями, с домработницами. Многие с детскими на руках.

— Можно начинать? — спрашивает докладчик.

Волноваться тишина.

— Так вот, товарищи, — начинает докладчик, — скоро все мы — и вы, трудящиеся женщины — будем выбирать Верховный Совет нашей страны. Помните, двадцать лет тому назад Ленин сказал, что каждая хозяйка должна научиться управлять государством!

Докладчик строит свою речь на 122 статье Сталинской Конституции:

— Женщины в СССР предоставляются равные права с мужчинами во всех областях...

Раньше и теперь! Какие разительные перемены! Женщина-раба. «Долга ты русская, должишь женская»...

Устремив глаза в закопченный потолок, докладчик читал горькие стихи Некрасова о «многогрудной матери». Сколько преходящего агитационного материала несет в себе русская литература, — первая полная рукопись. И как живо воспринимается он вот этой «кухонной» аудитории.

— Пожалуйте! Пожалуйте! — кричал докладчик.

Вопли сразу толпой. Докладчик заметил свежее выглаженное кофточкой взамен затрепанного халата и спросил:

— У вас часто бывает здесь собрание?

— Полтора года уже не было.

— Что же так редко?

— Не интересуются нами.

— А вы бы собрались сами.

— Да незачем!

— Как незачем? Вот хотя бы обсудили вопрос о кухне. Грязно у вас, темпо. А ведь, небось, целый день в этом клубе проводите?

■ ■ ■

Дворец культуры освобожденной Гирчакки (Баку) организовал для домашних хозяйек 12 кружков по изучению «Положения о выборах в Верховный Совет СССР». На снимке: занятия с домашними хозяйками. Слева — руководящая-инструктор Дворца культуры тов. Х. Мамадова.

Исторический роман на Западе

Мы рекомендуем вниманию читателей шестнадцатый номер журнала «Литературное обозрение», посвященный в значительной части характеристике исторического романа на Западе.

Ценность статей, помещенных в этом номере, в том, что они не только знакомят с рядом конкретных произведений, привлекших перу крупнейших писателей — Фейхтвангера, Генриха Манна, Бруно Франка и др. — но и дают достаточный материал для обобщений, позволяющих разбираться в тенденциях, типичных для современного исторического романа на Западе. Ценность статей заключается также и в единстве метода, которым оперируют авторы, в единстве идейных и теоретических установок, отличающих их суждения.

Сущность этих установок заключается в требовании подлинного историзма, в осуждении попыток модернизации прошлого, попыток пользоваться методами неглубоких исторических аналогий.

Только литература, удовлетворяющая всем этим требованиям, может явиться достойным ответом фашистским фальсификаторам.

Цикл исторических романов, появившихся в последнее время на Западе и привлекающих перу выдающихся антифашистских писателей, и является первым ответом подлинных художников и мыслителей на мерзкую фашистскую пакостность.

Авторы этих романов, указывая «Литературное обозрение», руководят стремление разглядеть, как в прошлом развир-

тывалась борьба прогрессивных и реакционных сил, всеми ими руководит стремление увидеть в этой борьбе предисторию современной борьбы антифашизма с фашизмом, в их произведениях «гуманизм, жизнелюбие, вера в победу прогрессивных исторических сил противопоставлены мрачной бесчеловечности и варварству фашизма».

Но отнюдь не всегда авторы разбираемых в «Л. О.» произведений удерживаются на позициях действительного историзма, вскрывают до конца подлинную движущую силу изображаемых эпох, отказываются от порочного метода исторических аналогий.

В интересной статье о «Лже-Нероне» — последнем романе Лиона Фейхтвангера — Андор Габор убедительно показывает, что крупнейший мастер современности не изменил своему принципу «использовать прошлое лишь как костюм, как внешнюю оболочку, для того, чтобы свободнее обращаться с современным материалом». В персонажах «Лже-Нерона» легко угадываются фигуры фашистской Германии — Гитлер, Геббельс, Рем и др., улавливаются параллели, проводимые писателем между практикой Гитлера и практикой Лже-Нерона, между положением современной Германии и положением в стране, где Лже-Нерон осуществляет свою авантюру, и т. д.

Таким образом «Лже-Нерон» несколько условно можно назвать историческим романом.

Осеннее молчание.

— О себе не любим мы говорить, — улыбаясь, сидевшая на плите дорожная хозяйка.

— Отчего же?

— Да неинтересно... Вся жизнь с горькими, да с ребятишками...

Замолчала хозяйка.

— Вот и моя мама, — сказал докладчик, — так же говорила. Очень она, бедная, жалела, что не успела новой жизнью пожить. Тяжело ей было выходить кучу ребят, натерпелась горя. Это теперь вот советская власть учит всех, а раньше-то разве так было!..

И видно было, как живо откликнулись эти простые «домашние» слова докладчика в аудитории. Заговорили сразу несколько голосов.

И громче всех заговорила сидевшая на плите дорожная хозяйка.

— А я про что и говорю? Вот у меня пятеро ребят было, теперь уже все большие. Старший у меня инженер-комсомолец, две дочки в вузах, у всех хорошая дорога. Раньше и думать не смели бы, муж получал всего 20 рублей, едва хватало на прожитие, в тряпках да обосках ходили.

Жена управдома, покачивая маленького, рассказывала:

— Теперь домработницы — и те стали в кружки ходить. А ведь раньше и не слышали про это. Спросите мужа, — мы с ним в этом доме уже тридцать лет живем. Его из деревни в тринадцать лет привезли, швейцаренком у бывшего господ прислуживал, калашни подавал. А я тут же в няньках служила, уж он моих слез навиделся. Барыня, бывало, за косяк оттрещит, да еще руку заставит поцеловать...

— Вот словечко какал!..

Открылись шлюзы. Докладчик довольно оглядывал свою аудиторию, слушая эти поучительные рассказы о прошлом и настоящем. Казалось, нет им конца.

— Отлично! — радовался докладчик, — про себя, — замечательно! Мне остается лишь подвести политические итоги...

*

Это была вступительная беседа к изучению Конституции и Положения о выборах в Верховный Совет.

К следующему занятию кухня известным изменилось. Яркая новая лампа заглянула под потолок. Копоть со стен обмывали. Убранный из углов мусор.

Председатель жакта сердито выговаривал управдому:

— Я же говорил, тебе, что надо стены побелить!

Стены решено побелить к празднику.

— Ну, а как слушательницы ваши?

Докладчик подводит итог:

— Три беседы проведены. Посещаемость хорошая. Слушают внимательно. Обсуждение проходит живо. И что самое главное: почувствовали вкус к учебе. Говорят, хорошо бы в этом кружке вести и дальше занятия, мы приходим бы послушать. Молодежь наша — иной заговорит — говорит: «Я люблю в кружках заниматься, хорошо бы еще куда-нибудь поступить...». Вот что дорого! Это и называется работой среди «неорганизованного населения»...

А. ЗУЕВ.

В библиотеке им. Ленина

Всесоюзная библиотека имени Ленина включилась в соревнование библиотек по подготовке к двадцатой годовщине Великой социалистической революции и к выборам в Верховный Совет. Она вывела на соревнование библиотеку Академии наук СССР.

В отделе библиотеки им. Ленина проходит собрание, на котором выбираются представители отдельных работников, бригад и отделов.

27 сентября состоится общее собрание сотрудников, на котором будет выбрано дотопор соревнования всей библиотеки.

Библиотека составила большой рекомендательный список общественно-политической и художественной литературы по подготовке к выборам в Верховный Совет.

Значительно пополняется организованная в читальном зале выставка, посвященная Сталинской Конституции и новому избирательному закону.

Литературно-музыкальные радиопередачи

Всесоюзный радиокомитет подготовил цикл литературно-музыкальных программ, посвященных Сталинской Конституции и выборам в Верховный Совет.

Уже состоялась передача специального литературно-музыкального монтажа, которая будет возобновлена в октябре и ноябре.

В этот монтаж вошли стихи Джамбула «Великий Сталинский Закон», Судеймана Сталинского «Слово о Сталинской Конституции» и его песни, посвященные великому вождю трудящихся всего мира товарищу Сталину, стихотворение А. Суркова «Отчина», песни народного певца Узбекистана Рахима Джадильова «Мы — нагове», песни Лебедева-Кумача «Советский простой человек», стихотворение Янки Купалы «Тебе, наш учитель», удмуртская народная песня о Сталине, отрывок из речи А. М. Горького, произнесенной на торжественном заседании Тиминского совета в 1929 году, и др.

Подготовлены передачи: «Сталин — творец великой Конституции», «Дружба народов СССР», «Москва — столица социалистического отечества».

Намечен радиоперевод, на котором выступят советские писатели с сообщением о том, как они готовятся к выборам в Верховный Совет.

Начаты радиопередачи, посвященные показу культурных достижений 11 советских республик.

2 октября по радио будут передаваться стихи народного поэта Дагестана орденского Сулеймана Стальского, 4 октября — новая поэма народного певца Казахстана орденского Джамбула — «Песня о Ворошилове».

Озадаченный Музгиз

Могучим орудием агитации и пропаганды может служить хорошая массовая советская песня. Особенно в дни, когда вся страна готовится к выборам в Верховный Совет, песня могла бы оказать колоссальную помощь пропагандистам, могла бы занять почетное место в программах вечеров и собраний, посвященных избирательной кампании.

Руководство Музгиза должно бы учесть это.

Однако, когда мы обратились к заведующему Музгизом т. Гринбергу с вопросом: — Что делается в издательстве в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет?

он коротко ответил:

— Ничего!

Затем т. Гринберг сделал попытку сослаться на то, что «застрельщиками в этом деле» должны быть работники встрады.

Музгизу же остается только поддерживать их хорошее начинание и помочь им, снабдив кем-то написанные интермедии, скетчи и т. п. «дополнительным вокальным материалом».

Нам думается, что такая установка Музгиза — издательства неправомерна. Музгиз должен дать не только «дополнительный вокальный материал», но и самостоятельные массовые — дешевые и многочисленные — издания сольных и хороших песен на темы о стране социализма, об отечестве трудящихся всего мира, о новом советском быте и т. д. и т. п.

Музгиз озадачен самой постановкой обширного к нему вопроса. Не ясно ли, что он проявляет недопустимое политическое недомыслие.

С. ФИТ.

Жизнь акына

Автобиография народного певца-импровизатора
Казахстана, орденосца Джамбула

Вы спрашиваете — откуда я родом?
У реки Чу, если идти в сторону степей,
стоят две горы — Хам и Джамбул. Моя
отец Джамбул кочевал у этих гор.
Близ горы Джамбул во время снежного,
напряженного бурана родился я, и меня на-
звали древним именем горы Джамбул.
Это случилось в феврале 1848 года.

Отец мой Джамбул был бедным коче-
виком-казаком, носившим дырявый чалпан.
Вокруг — куда ни достал глаз —
были голые степи. В детстве я ни разу
не видел ни полей, ни садов, ни ары-
ков. Степь была моей родиной. Все, что
меня окружало, кочевали и кормились от
мелкота.

Наши степи граничили с киргизскими.
Казахи и киргизы в ту пору враждовали.
Передают, что отец Джамбул в походах
был в числе самых отважных джигитов.

Вырос я в юрте. Как и всех казахских
ребят, меня вместе с люлькой перевозили
с кочевья на кочевье. В детстве я был
строптивым сорванцом. Не хотел
слушаться ни стариков, ни отца. Меня
посылали пастись ягнят — я не шел. Ме-
ня просили набрать дров — я отказы-
вался. Меня считали «теетекем» — шалу-
ном, баловником.

Был я большой охотник до вкусной
пищи, до «казы» (конская колбаса), до
«карты» (жирная, тушеная кашка), а у
нас дома такой пищи не было. Однажды,
когда бай угощал другого бая и я знал,
что мне, как собаке, не бросят даже об-
едков, — я подкрался, схватил «казы»
из горячего казана и, подгоняемый стра-
хом и болью, быстро убежал в степь.
За мной погнались на лошади. Когда
меня стали догонять, я бросил «казы» в
степной поток. Раздосадованные пресле-
дователи крепко обругали меня и верну-
лись обратно, а я, пройдя полторы вер-
сты по течению потока, поймал «казы». Та-
кие случаи повторялись часто, обычно
во время тоев (пиров у баев).

За пищей я охотился не столько из-за
голода, сколько из утайства, из жела-
ния показать свою ловкость и способно-
сти, в которых сомневались многие, и в
числе других — мой отец. Отец меня не
любил. Он не верил, что из меня выйдет
какой-нибудь толк.

Мой дядя, брат отца, был известным
домбристом. Я любил его слушать. Две-
нацать лет научился у него играть на
домбре. Когда инструмент попал мне в ру-
ки, я забыл о ласках. Мне казалось,
что звенит не домбра, а мое молодое серд-
це. Я не хотел быть чабаном. Меня прель-
щало быть домбристом и певцом.

Природа дала мне сильный большой
голос. Когда я громко пел в степи, мне
чудилось, что вся ола заполнена моим
голосом.

Четырнадцать лет и твердо решил юр-
таться с отцом и жить самостоятельно. Во
время «ураза» (магаметанского поста) я
пошел по юртам и стал петь «жара-пан-
ван» (обрядовую песню). Она начиналась
так:

Я стою и пою
У распахнутых настежь дверей,
Пусть родится у вас
Пара сильных больших сыновей.
Каждый сын пусть растет,
Как в степи средь овечьих отар
Вырастает порой
Круторогий красавец кашпар.

Пение мое понравилось. Мне стали да-
вать пищу и подарки. Это меня радовало.
Когда мне исполнилось 16 лет, я прие-
хал в аул, где жил знаменитый акын
Сююмбаев. Подойдя к его юрте, я
начал петь «жара-панван». Сююмбаев про-
слушал мое пение со вниманием, позвал
меня к себе в юрту и спросил:

— Откуда ты? Из какого рода и пле-
мени?
— Ответил ему почитательно:
— Из рода Байыше, племени Сады-
беков, семейства Джамбаев.
Сююмбаев сказал:

— У тебя есть способности быть акы-
ном. Ты обладаешь хорошим голосом.
Слова, которые ты поешь, выбраны очень
удачно.

В юрте Сююмбаев я по просьбе старого
акына с волнением спел мой песен.
Одну из песен я сочинил там же в юрте.
Я пел о своей молодости и неопытности,
выражал свое восхищение песнями Сююм-
баева, сравнивал его песни с зарей и ясной
звездой, украшающей небосвод, и, назвав
себя его младшим братом, просил помощи
и поддержки.

Сююмбаев пообещал мне помочь и лю-
бить меня. Это был самый счастливый
час в моей жизни. Целую ночь Сююмбаев
рассказывал мне о трудном мастерстве
акына. Так я стал учеником Сююмбаева,
которому было в то время 50 лет. Случа-
лось, что Сююмбаев, выезжая в аул, брал
меня с собой. Я жадно учился. С тех пор
до последних дней, выступая с песней,
я всегда вспоминаю имя своего учителя
с чувством благодарности. С Сююмбаем
мы жили очень дружно. Я пел сложен-
ные им песни. Только шестнадцать лет
я решил выступить самостоятельно.

Первой песней, сложенной и исполнен-
ной мною, была песня на одной из сва-
деб. Я пропел о красоте невесты, срав-
нил щеки ее с цветками, а косы с ночью.
Песня понравилась, и меня похвалили.

Начав петь самостоятельно, я все же в
составлении о больших акынах не
участвовал. Решив сочинять только с
молодыми, мало известными акынами мо-
его уровня. В казахских степях было при-
ято: поражение на состязании акынов —
смерть для акына. Было много случаев,
когда акын, потерпев поражение, совер-
шенно переставал петь.

Я бродил по кочевьям, расположенным
по берегам Чу. Цел рядные былинки,
сказания, поэмы — произведения других
акынов и свои собственные песни.

Веками было заведено, что акын-им-
провизатор должен был знать обо всем: во-
родах и племенах, всех родоначальников и
знатных людей, все места и события. Он
должен был откликаться на все новости и
уметь учитывать обстановку. Остроум-
ие, находчивость, умение давать быстрые
и находчивые ответы — вот что ценится
в акынах. Кроме того, он должен быть
хладнокровным. Осыпавшим выкриками
напоминок, акын должен оставаться
спокойным.

Я учился всему этому. Встречаясь со
старыми и прославленными акынами ка-
захских и киргизских степей. Коча-
нам, Шошдам, Аргатабеком, Шантам,
Кажамберди, Сатаем, Аетом, Балуч-
Шолаком. Внимательно слушал их, учи-
лся, накапливая силы, готовился стать та-
ким же, как они, — большим акыном.

Но в состязании с ними не вступал, чув-
ствуя себя все еще неподготовленным.

Народный певец Казахстана, орденосец Джамбул.

Най слова на овое сердце, как воду из колодца.

Глубоко задумавшись над словами свое-
го учителя, признавая их правоту, я стал
следовать этим мудрым указаниям. У меня
появились свои мелодии, и я нашел свои
слова, мое песенное мастерство окрепло.

Будучи бедняком, я хорошо понимал
бедный народ. Правдиво я мог петь толь-
ко о себе и о народе. Когда я пел о на-
роде, я пел и о себе. Когда же я пел о
себе, я одновременно пел о народе. По-
няв всем сердцем, что акыну нельзя
фальшивить и лицемерить, стал петь сво-
им голосом и только правду.

И песни мои полетели по всему Дже-
тысу, как вольные птицы.
Верхом на плохой лошади я ездил из
аула в аул. Пел песни грусти и печали,
и за это меня кормили.

Я обехал Джетысу, бывал в Киргиз-
стане, ездил в Караганду, бродил по Во-
сточному Казахстану.

О чем я пел? Я пел о моем бедном
измученном народе, о поруганной родине,
о славных батырах казахских племен.
Случалось, я пел целыми ночами и по-
лучал за это гроши.

Часто мне приходилось участвовать в
состязаниях акынов — представителей
двух родов. Я всегда выходил победите-
лем, и родоначальники того рода, от ко-
торого я выступал, дарил мне халат, ба-
рана или жеребенка.

Многие родоначальники упрямивали
меня остаться у них, обещали хорошо
кормить, уважать и давать богатые по-
дарки, чтобы я прославлял их и участво-
вал в состязаниях с акынами других
родов. Но я не хотел лицемерить и от-
рывать от народа, не хотел идти к ба-
ям. Решительно отказывался и уезжал
дальше.

Во время скитаний я везде и всюду
слышал знаменитое имя акына Кулмагам-
бета. Он был первым акыном Джетысу,
потому что победил всех акынов. Слава
его гремела по всем казахским и киргиз-
ским степям. Однажды я поехал в ко-
чевья рода Албана, где жила женщина
Царипа, прекрасная, как Баян-Слу. В
это время происходил той двух родов —
Албана и Уйсина, на котором выступал
знаменитый Кулмагамбет. За мной посла-
ли двух лошадей, и я приехал на той.

Кулмагамбет сидел в белой богатой
юрте, на ковре, в окружении самых зна-
тных людей. Они пили кумыс и были ве-
селы. Вид у Кулмагамбета был гордый
и самодовольный, потому что он победил
в состязаниях многих выступавших там
акынов.

Увидев меня, он начал посмеиваться
надо мной:
— Смотрите на Джамбула — какой он
черный, курносый и как он бедно одет.
Разве он не позорит свое имя — Джам-
бул, известное всему народу.

Началось состязание. Кулмагамбет на-
чал в песнях похваляться дружбой и ува-
жением к нему знатных людей. Он пере-
числял многих родоначальников, баев и
волостных управителей. Он превозносил
их выше небес.

Потом зашел я. Я вспоминал совет Сю-
юмбаева и не стал фальшивить и лицеме-
рить. Я повторял знаменитые имена, только
что произнесенные Кулмагамбетом, и да-
вал им оценку, какую заслуживали они у
народа. В моей песне все эти гордые и
чуждые люди были названы коноварами,
убийцами, ворами, лжецами, неспра-
ведливыми людьми. Мои слова были за-
вистливы и насмешливы. Они вызвали
среди окружающих веселый смех. Я пел
не устал, и слушатели все больше и
больше выражали свое одобрение. Так я
победил дотоле непобедимого Кулмага-
мбета и стал первым акыном в Джетысу.

Я продолжал ездить по степям и пи-
таться тем, что давали мне мои песни.
Весь о том, что я победил Кулмагамбе-
та, разнеслось по всем степям и перешла
даль границы Джетысу.

После этого я участвовал во многих
больших состязаниях акынов и не знал
поражения. Я победил знаменитого акы-
на Шашубай, первого акына Киргизстана —
Балту, даровитого и неукротимого Сар-
Бурсы, непобедимого Са-Баеса и многих
других. Я знал только одно поражение,
но это было состязание не в песнях, а в
кляжах (музыкальных инструментальных
дзыхах). Меня победил киргизский домбрист
Оразалин, не умеющий сыграть песни, но
прекрасно играющий на домбре. В песнях
мое его победить не стоило никакого
труда.

Мои песни неслись по всем степям. Я
никогда не порывал близкой связи с на-
родом. Баи и манайы меня не любили,
но боялись.

Песни в степи — огромная сила. Ес-
ли не остановишь, как не остановишь
бури. Баи и манайы боялись, что в своих
песнях я пишу про них худую славу и
весь степь занесет вместе со мной.

В Ер-Назаре, близ Кастека, я приехал
однажды к баю Нуртау Сентову. В это
время пришел байский табунык Май-
абаев. Бай спросил:

— Все благополучно?

Табунык ответил:
— Бошки задрали одного жеребенка.
Побеговец от нева, бай стал злобно
бранил табуныка. Ругал он его около
часа. Я взял домбру и запел. Песня была
гневной. Я спрашивал в песне баю Ну-
ртау: неужели у тебя, Нуртау, нехвачет
лошадки? Зачем ты издеваешься, как
зверь, над бедным человеком из-за одного
тощего жеребенка? Пел твой учер и оста-
вил стада твоему отцу. Отец твой умер, и
стала пережить к тебе. Ты скоро умрешь,
Нуртау, и при всей своей жадности не
возьмешь с собой в могилу тысячеголо-
вого стада.

Нуртау испугался обличительной песни
и сказал:

— Я ошнел, Джамбул. Твои слова за-
острили против меня, как стрелы. Я за-
был о горе, причиненном мне табуны-
ком. Будем мирно беседовать.

Но я, повернувшись к баю опинкой,
ушел, не сказав ему ни слова.
Так я жил до 55 лет, странствуя по
степи и распевая песни.

В 55 лет мне стало худо. От старости
и тяжелых условий я стал сутул, как
старый беркут, глаза померкли, а голос
ослаб.

Вместо домбры у меня в руках появля-
лась палка. Вместо широкой степи —
узкая постель. Я утасал, бессильный петь
хорошие песни. И лишь тогда, когда ка-
захи восстали против белого царя, и про-
пел несколько песен, и их подхватывала
степь.

Когда мне исполнилось 70 лет, я уви-
дел светлую зарю новой жизни. На зем-
лю пришла правда для всех живых су-
ществ. Я услышал имя батыра Ленина
и был свидетелем победного шествия Крас-
ной Армии. Вокруг меня закипела жизнь,
о которой я пел в лучших своих песнях,
как о золотом сне.

Почувствовав прилив свежих сил, взяв
я в руки домбру. Вернулась моя молодость,
и я запел.

Оглядываясь вокруг, я не узнавал зна-
комых степей. Пошел по аулам и стал
воспевать новую жизнь.

Как всегда, я был радостно о моем на-
родом и был понятен народу. Я был сви-
детелем рождения новой страны — Ка-
захстана, о чем мечтали целые поколе-
ния и о чем пели лучшие акыны.

Только в 80 лет жизнь мне открыла
глаза на многое, чего я не понимал.
Жизнь началась для меня снова. Я пе-
редохнул и стал петь, как 26-летний
юноша — смело, с подъемом, с большим
жаром и охотой.

Это возрождение моих сил принес мне
возврат утешного человеческого Сталина,
давший счастье всем народам. Я стал
пламенным агитатором по колхозам. О ко-
лохозе я пропел сотни песен, и они по-
шли по степям, потому что шли они от
самого сердца.

Я первым вступил в члены колхоза.

Только при советской власти в цвету-
щем Казахстане Джамбул нашел себе
настоящую цену. Старость моя озарена
счастьем. Мне более 90 лет, но я не хочу
умирать, мне хочется жить больше и
больше. Народ меня уважает.

Сам Сталин сыпал обо мне и моих
песнях. События мои золотые сны. Я одет
в шелковый халат. Живу в белой юрте.
У меня темнорыжий, красивый изноше-
нный и богатое седло.

Я был в Москве, которая чудесней све-
тового Голдстона.

Я видел Сталина и здоровался со
Сталиным.

Советская власть дала мне за мои пе-
сни орден Красного Знамени. Я сказал то-
гда и повторю сейчас:

— Награжден не я, награждена народ-
ная поэзия Казахстана.

Я пою песни и буду петь их, пока
бьется сердце. Сейчас, когда приближа-
ется второе десятилетие великого Октября,
я говорю всем акынам, ахутам и гафи-
мам Советского Союза:

— Отдадим лучшие песни сердце дру-
гу вождю народов — нашему Сталину.
Да здравствует Сталин, великий мастер
человеческого счастья!

ДЖАМБУЛ
НАРОДНЫЙ ПЕВЕЦ КАЗАХСТАНА, ОРДЕНОНОСЕЦ

Песня С'езду

Хозяевам Родины славной моей
Привет от акына счастливых степей,
Привет от кастежных цветущих аулов,
Избравших на С'езд делегатом Джамбула!
С домброй я горячее сердце привез,
Я новую песню в подарок привез,
Широкую песню, как море небес,
Тебе — уважаемый С'езд!

★

Смотрю я на степь. В ней горела трава.
В покнутых юртах гнездились сова.
Курай окназ одного курган
В проклятый народом заман...
Молитесь бродяги святым из Каабы
У изваяния каменной бабы.
Хранил каракут надомный саман
В проклятый народом заман...
Хозонные слезы роня в песок,
Пел горькую песню безродный селок,
И шел запылялся мой караван
В проклятый суровый заман...
В мирном тумане струился родник,
Судьбу проклиная, шагал проводник.
Буря срывала последний чалпан
В проклятый, суровый заман...

★

Смотрю я на степь. Ей конца не видеть.
Смотрю я на степь. Мое степь не утатить!
Где тропы хранили верблюжий следы —
Плещут плодородные наши сады.
Где с ветром катились в Дарью ватуны —
Пасутся бесчисленные табуны.
В песках, где голодный скитался казах,
Струится река человеческих благ.

Где кляча хохля со сбойтой спиной —
Летит золотокрылый тулпар вороной.
Где бай царили, да канская кость,
Где даже собаке не сладко жились,
Где жажда и голод, да смерть кочевали,
Где песни народные умиралы,
Где рвал нашу радость стертый дуглавы —
Восходит Союзной республики слава
И реет одиннадцатый горный знамен,
Приветствуя сталинский мудрый закон!
Закон, по которому в славный заман —
Республикой счастья цветет Казахстан!

★

На горной вершине с домброй я стою
И вместе с народом о счастье пою
Широкую песню, как море небес,
Тебе — уважаемый С'езд!
Любовью и радостью озарена
Обильная наша страна.
Как слава джигитов красива она —
Бескрайняя наша страна.
Как беркут она белоплечий вольна —
Свободная наша страна.
Как волны Арала в прибое сильна —
Могучая наша страна.
Бурлива, как горячая кровь скакуна, —
Чужесная наша страна.
Песни души, что веселем полна —
Как золотые звенят стрелы.
Для всех поколений на все времена
Сталинизм сердцем согрета она —
Любимая наша страна!

Перевод Павла КУЗНЕЦОВА.

Песня о батыре Ежове

Бочуй по джайлау, лети по аулам —
Степная, горная песня Джамбула,
О верном и преданном сталинском друге,
Враги пред которым трепещут в испуге.
Любя своей к Родине он не изменит.
Как лучшего сына страны его ценят.
Он снится шпионам, злодеям заклятым,
Всегда — обманенным разящим булетом.
Нас однечный Сталин повел за собой
И родина стала страной героев,
Каких не рождалось в замученных странах
При белом царь, при султанах и ханах.
Геройство повоюю: в пшеничном просторе,
В лазури небес, на лазоревом море.

1. Время, эпоха.
2. Батыры, народный герой.

И там, где тревожные реют зарницы,
На синих, далеких советских границах.
Я слышу героя, что видит и слышит,
Как враг, в темноте ползущая к вам, дышит.
Я слышу отвагу и силу героя,
Его бьется с врагами железной рукой.
Я слышу батыра * Ежова, который,
Разрыв, уничтожил змеиные норы,
Его встал, недобрым врагам угрожая,
На страже страны и ее уюта.
Будь орденем Ленина вечно украшен,
Наш зоркий хранитель заводов и пашен.
И пусть моя песня разнесит по миру
Восветную славу родному батыру.

Перевод с казахского Н. АЛТАЙСКОГО.

В прошлом году Джамбул был премиярован красным знаменом, жетонкой воевой кити-кой, и почет. На снимке: певец Джамбул (Сокофот).

В союзе писателей Казахстана

«Деятельность» правления союза совет-
ских писателей Казахстана давно уже вы-
зывает недовольство писательской обще-
ственности. Какие бы акты инициативы и прини-
пально важные вопросы ни волновали пи-
сателей этого Советского Союза, правление
союза советских писателей Казахстана «не
заинтересовано, не прогрессивно». Со слов
величайшей невозможностью оно относится
к вражеским вылазкам в казахской ли-
тературе.

Для характеристики «работы» правления
ССП Казахстана достаточно сказать, что
свой первый пленум оно устроило в со-
ветском Союзе в апреле 1937 года, т.е. спустя
три года после с'езда писателей Казахста-
на. Однако и апрельский пленум 1937 г.
меньше всего можно объяснить просну-
вшейся активностью правления СПП Казах-
стана. Он состоялся наконец по настоя-
тельному требованию писательской обществен-
ности Казахстана и по прямым указаниям
всесоюзного правления СПП для обсужде-
ния итогов февральского пленума ЦК
ВКП(б).

Работа пленума правления СПП Казах-
стана прошла на чрезвычайно низком иде-
ологическом уровне. Многословные, пустовонные
доклады представителей правления послу-
жили своеобразной «дымовой занесой» для
того, чтобы фактически сорвать работу пле-
нума, не поставившего актуальных вопро-
сов литературы.

В то время, как писательская обществен-
ность страны мобилировалась для разобла-
чения и выкорчевывания азербайджан-
ской троцкистской диверсии в литературе —
и для борьбы с буржуазными национали-
стами, руководством СПП Казахстана зани-
мает особую позицию. Оно проходит мимо
этих вопросов.

В плане текущего года правление СПП Ка-
захстана сделало вид, что оно — за раз-
решение азербайджанской и азербайджанской диверсии

писательской организации; однако, ника-
ких конкретных мер к выявлению нездо-
рочных явлений в казахской литературе пра-
вление не предприняло. Удивляться этому,
в сущности говоря, не приходится, ибо ру-
ководство правления СПП Казахстана при-
шло к бы разоблачительную работу начать
с самого себя. Взять, например, председате-
ля правления СПП Казахстана — Сабита
Муканова. Это столь же плодовитый пи-
сатель, как и многословный оратор. Выступая
с пространными докладами и декларация-
ми, Сабит Муканов на словах ополчается
против классово враждебных элементов и
вражеских вылазок в литературе. Но дела
самого Сабита Муканова резко расходится с
его словами. О настоящем лице Сабита Му-
канова говорит вышедшая в 1932 г. его кни-
га «Казахская литература XX века». В этом,
с позволения сказать, «труде» Сабит Му-
канов объявляет подлых алаш-ордынцев,
рыцарей баев и феодальных порядков в
казахском ауле, Байтурсунова и Дулатова
носителями прогресса и культуры. Далее он
утверждает, что «сесте чему поучиться» у
другого алаш-ордынского выродка контре-
волюционера М. Жумбаева.

«После Абая (классика казахской ли-
тературы), — утверждает Муканов, — у ка-
захов нет писателя, стоящего выше Макжа-
на Жумбаева по языковедению».

Эти свои «теоретические взгляды» Му-
канов подтверждает делами в качестве предсе-
дателя союза советских писателей Казах-
стана, принимая активное участие в пре-
доставлении работы махровому национали-
сту Жумбаеву.

По части восхваления алаш-ордынцев,
группировщиков вокруг СПП Казахстана, не
уступая Муканову и другой руководи-
тель СПП Казахстана Сакен Сейфуллин. В
первые годы революции Сейфуллин являл-
ся лидером националистической группиро-
вки в казахской литературе. Ярким пока-
зателем восхваления националистических то-
н

лений Сейфуллина было это стихотворе-
ние «Азия — Европе» (1923 г.). В 1923 г.
тогда же Сейфуллин посвящает одно из своих
стихотворений «Домброй» полковнику врагу
рабочего класса, фашисту Тропкову. Уже в
1936 г. Сейфуллин выступил о пещер, в
которой клеветнически искажал историю
особенно бурной борьбы казахского народа.

Но дело не только в этих двух руково-
дителях правления СПП Казахстана. Здесь в качестве признанного авторитета
и теоретика подвизался подлый враг То-
гжанов.

Этому Тогжанову, в частности, было до-
верено монопольное право «опека» вы-
шедшего акына Казахстана Джамбула. И
не случайно, что ряд песен А. Джамбула,
опубликованных уже в русском переводе,
не записан на казахском языке.

Джамбула затирал. В то же время
контрреволюционные фашистские произ-
ведения, вроде романа Джансуурова
«Джолдасар», восхвалялись, как великое
событие в литературе.

Упомянутые нами факты составляли
только незначительную часть счета, кото-
рый должен быть предъявлен руководству
СПП Казахстана. Но и этих фактов доста-
точно для того, чтобы судить о явном не-
благополучии в писательской организации
Казахстана. Необходимо принять решитель-
ные меры к оздоровлению СПП Казахстана,
жизни и работы писательской общественно-
сти.

Нельзя не задать вопроса — чем об-
ясняется выходящая позиция, которую зани-
мает в этом отношении руководство ЦК ВКП(б)
Казахстана? Неосведомленностью об истории
этого никак нельзя. Ведь на руководящей
работе в ЦК ВКП(б) Казахстана находится
писатель тов. Муренков, который знает пи-
сательскую действительность Казахстана не
только по книгам и периодической печати.

М. АНУР.

Соля и народный фронт во Франции

Мия Золя все чаще встречается на последних ролях в речах, выступлениях, статьях передовых писателей Франции.

Советского читателя может даже удивить на первый взгляд, что писатели народного фронта во Франции выдвигают Золя гораздо больше, чем предшествующих великих реалистов XIX века, — даже больше, чем Бальзака.

Между тем, для этого есть свои глубокие причины. В Золя ищут сейчас общественный пример — гражданского мужества и честности, и литературный пример — большого социального романиста.

«Золя на один момент был совестью человечества», писал Анатоль Франс.

Знаменитый памфлет Золя «Я обвиняю», сделавший Золя в годы дела Дрейфуса общественным вождем левой интеллигенции, мы вспоминаем сейчас, как образец мужественного и бесоговорочного решения писателем политических вопросов, честного поведения художника и интеллигента в дни больших общественных потрясений.

Сейчас, через сорок лет после этих битв, в дни гораздо более глубоких общественных потрясений, писатели Франции выступают, как некогда Золя, на защиту справедливости, популяризируют реакцию, фашизм.

Золя осознается, как предтеча познаний больших писателей французской интеллигенции, ставших «совестью» страны, — Ромэн Роллан и других.

После десятилетий господства в искусстве бесплодного формалистического и психологического эгоизма писателя народного фронта начинают возвращать к большому реалистическому социальному роману. И здесь, в поисках традиции, они выдвигают имя Золя. Можно думать, что огромные полотно «Руго-Маккаров» вставили и перед Арагоном, начинавшим свой цикл реалистических романов «Реальный мир», и перед Жюль Мартом де Гаром, создавшим социальную поэтическую фреску на истории «Семьи Тибо», и перед Ж. Ромоном с его огромным замыслом «Людей доброй воли».

Социальными рамками Золя, его оптимистический, жизнеутверждающий пафос, его глубокая вера в прогресс науки, науки и справедливости, которую сейчас во Франции жителями после засилья опустошительного искусства декандала.

Глубокий демократизм Золя, демократизм идей, тем, формы и самого языка, и необходимая человечности его книг при всей их неопределенности, «трудовости» и выходящей за пределы — кажется очевидными во Франции после десятилетий утопического, выходящего, оторванного от жизни культа «смерти».

Нельзя сейчас не видеть слабых сторон Золя, и идейных, и художественных. Утверждая прогресс, осуществимый в грядущем, через борьбу капитализма, Золя часто готов был уступить капиталу денег, капиталу; он казался ему явлением, неизбежно сопутствующим и способствующим прогрессу. «Денег — лучшее и худшее во всем». С большой силой вела тему труда в социальном романе. Золя был склонен удовлетворяться реформистским разрешением рабочего вопроса.

Эти апологетические черты, нашедшие свое художественное выражение в натурализме Золя, и привели к тому, что Зингис считал Бальзака более глубоким социальным романистом, чем «всех Золя прошлого, настоящего и будущего».

И несомненно, в поисках примеров глубокого проникновения в социальную жизнь, мы будем неизменно возвращаться к вершинам буржуазного реализма XIX века — классическому реализму Бальзака и Стендаля.

Однако Золя, пришедший на несколько десятилетий позже, обладал не только недостатками, связанными с положением писателя эпохи заката буржуазного мира, но и преимуществами эпохи начинающегося подъема рабочего движения.

Вот почему он смог ввести в социальный роман новые темы — темы современного капитализма и пролетариата. Более того — он смог дать тему труда настолько существенное место, что именно это делает его книги актуальными для наших французских современников.

Для литераторов поколения 90-х годов, на рубеже XX века Золя был инноватором, новатором, проводником новой литературы. Потом настала пора забвения Золя.

Сейчас настало время для подлинной оценки Золя и во Франции, и у нас в СССР.

В нашей критике за последние время довольно отчетливо сложился образ Золя, как последнего великого XIX века, завершающего все великое наследие писателя, у которого большая традиция бальзаковского реализма превращается в натуралистическое неопределение.

Разумеется, это верно. Верно и то, что от Золя идут в XX век многие черты вышедшего реализма, что слабые стороны Золя доводятся до уровня его худших последователей в XX веке.

Но именно было бы ограничить значение фигуры Золя, бойца и художника, выходящего за пределы теории натуралистического романа. Многие из наших критиков не понимают того, что очень хорошо понимал сейчас передовые писатели Франции, подчеркивающие не только значение Золя как общественного деятеля, но и то, что из писателей XIX века именно он, как несколько позднее Верхарн, стоит «у порога новой эры».

Вот почему мы можем сейчас вместе с нашими французскими товарищами выдвигать фигуру Золя, стоявшего на рубеже новой эпохи, как фигуру большой значимости.

В своей блестящей книге о Золя Анри Барбис, фигура слова Золя «Спасение только в народе», правильно обращался к нему, как к проводнику новой литературы.

«Нужно ставить эту великую тему не полагая нас, но выходя, и использовать ее для просвещения людей, для нужд коллективов и для того драматического прогресса, который изменит весь лик мира; открыть эту тему не к XIX веку, но к XX, и к следующему — вечно наступающему».

Е. ГАЛПЕРИНА

Карикатура А. Жиппа «Золя и Бальзак» из серии «Современники».

Творчество Золя

I.

Нужно сказать без обиняков: в последние годы творчество Золя подвергается у нас односторонней оценке. В критике, в университетских курсах, в литературных кружках имеют хождение некоторые формулировки, искажающие подлинное творчество Золя. А ведь именно в Советском Союзе опубликовано в большом количестве рукописи писательской лаборатории Золя, проливающие новый свет на многие проблемы его творчества.

Золя считается теоретиком «натурализма», хотя не он первый выдвинул этот термин. Сам Золя причисляет себя к натуралистам еще в предисловии к «Терезе Ракин» (1887), когда он увлекался «физиологическим романом»; но нужно иметь в виду, что Золя называл «романами-натуралистами» (так называл сборник его статей) и Бальзака, и Стендаля, и Флобера, и Гонкуров. Значит, не в термине этом, даже не в творческой теории следует искать объяснения того, что такое натурализм Золя, а в конкретных художественных особенностях его творчества. Важна реализованная теория.

Зачастую критика этого не учитывает. Декларация легче комментировать, чем творчество во всем его художественном многообразии. Мало того, у части нашей критики сильны антиисторические наклонности, благодаря чему с хронологией и эволюцией взглядов писателя мало соотносится.

Взять хотя бы формулу Золя «произведение искусства — это уловленный природой свод законов темперамента». Относится она к середине 60-х годов (статья «Прулон и Курбе») и направлена в защиту художественных задач, против ложной попойки объективной ангажированности творчества; в конце же 60-х годов в теории и в художественной практике Золя переживает значительный перелом.

Неправильно считать также статью «Экспериментальный роман» (конец 70-х годов) основной эстетической декларацией Золя. В этой статье Клода Бернара механически применяет к литературе. На деле же статья эта была парадоксальным выражением взглядов Золя на научный роман, опровержением отождествления научного и художественного метода.

По существу же статья эта соответствовала тенденциям писателя основываться в художественном изображении на объективном бытии, что и являлось одной из особенностей натурализма, и реализма также, и противоположностью «субъективной необузданности романтизма» (Маркс).

Устойчивые эстетические взгляды Золя натуралиста можно почерпнуть в статьях «Романтизм-натурализм», «О романе», «Натурализм» (1890) и др.

Имея в виду метод естественных наук, Золя требовал при изображении действительности точного наблюдения, анализа и описания. Лишь художественная практика писателя, сюжеты и мотивы его романов, характер изображения, особенности композиции позволяют привнести формулы конкретным содержанием. Оценка творчества Золя покоится у нас на целом ряде предубеждений, которые необходимо устранить.

II.

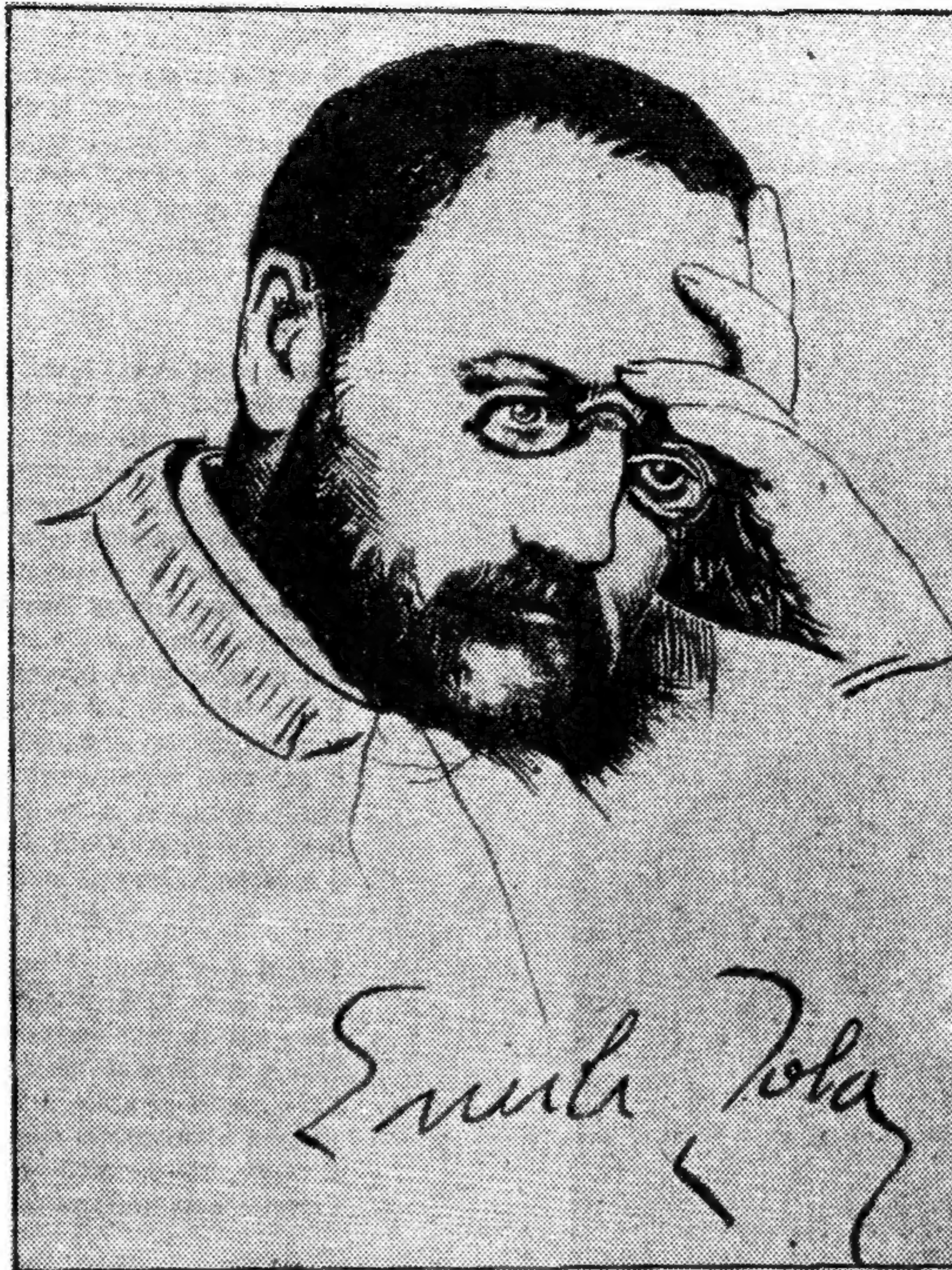
Взять хотя бы проблему наследственности. В первоначальных вымыслах Золя, задумавшего в конце 60-х годов написать социальный роман «Руго-Маккаров», она имела большое значение, но в творчестве Золя потеряла решающую роль и сохранила для нас, главным образом, генетический смысл.

Об этом свидетельствуют все рукописи писателя: в «стезах» Золя и планам его романов о наследственности нет упоминаний. Проблема наследственности, модная среди физиологов 60-х годов и развитая затем у Ламброзо, является центральной темой лишь некоторых романов Золя, например, «Западня» или «Человека-верца».

Эволюция Золя от физиологической к социальной теме ясно сказывается в черновых его рукописях, например, на судьбе шахтера Бланше Ланте из романа «Жерминаль». Именно потому, что Золя имел ясные смутные физиологические черты этого образа, он внес существенное изменение в родословное древо Руго-Маккаров, придував ранее не предусмотренный персонаж — Жака Ланте, машиниста на «Человека-верца», который страдает мажорской убогостью.

Литературоведение должно считать за творческим процессом. Проблема наследственности, скреплявшая семью Руго-Маккаров, оказалась у Золя формальной связью. Многие члены этой семьи лишь в минимальной степени затронуты ею, — ведь Золя был финансистом авторской сделки, бонапартистом Сакарна из романа «Денки», или представителем реакционной буржуазии Центрального банка Лизу Маккаров (Лизу — это чрево, — писал Золя).

Не меньшую роль в романах Золя играют персонажи, не имеющие никакого отношения к семье Руго-Маккаров — Флора в «Чреве Париза», Денки в «Дамском счастье» и т. д. Чрезмерно выпячивая физиологическую проблему Золя, некоторые критики

Эмиль Золя — офорт М. Дабутаса.
К 35-летию со дня смерти.

тики лишь отвлекают читателя от подлинно значительной для французского писателя темы социальной.

III.

Лучшая серия романов Золя, «Руго-Маккаров» — социальная эпопея. Она охватывает жизнь Второй империи, касается незначительных в наше время на Западе социальных отношений эпохи империализма, и поэтому в какой-то мере еще злободневна.

Исторически оцененный творчество Золя, можно сказать, что и у него неоднократно встречается широкие картины социальной жизни. Разве «Жерминаль» не был первым реалистическим романом о шахтерах, в котором индустриальный пролетариат предстает как живая социальная сила, где показан рабочий, страдающий в глубинах настоящего ада. Достаточно сравнить «Жерминаль» с «народными» романами Ж. Санд или с романами той эпохи об углекопах — В. Шерилье, М. Тальмеера, Ива Гюйо, Виктора Мало.

Каковы бы ни были субъективные явления Золя, который описал революционный действия его романа («в замкнутом мире не вхождению Франции баррикады»), Золя сознавал, что Роман — восстановление нации рабочих. Обществом получило толчок, от которого оно внезапно трепет, — словом, борьба капитала и труда. В этом вся значительность книги: она предвещает по моему замыслу будущее, выдвигает вопрос, который станет наиболее важным в XX веке» (рукописный «Набросок» к роману).

В «Дамском счастье», рисуя борьбу большого магната с мелкой торговлей, Золя описывает концентрацию промышленности и торговли и подчеркивал значение «коммерческих и финансовых мотивов» в литературе. И в «Денки», где Золя показывает «новый денежный мир», синдикаты, организуемые финансовым капиталом, и в «Труде», где Золя выбирает предметом изображения «домны, большой промышленный завод», он неизменно выступает новатором.

Рисуя Центральный рынок, большой магазин, биржу, Золя изображал не бездумные натюр-морты, как думают некоторые критики, а новые социально-экономические организмы. Темы Золя в большинстве эпичны, творчество его можно своеобразно назвать. Вот почему П. Лафарг, несмотря на ряд критических замечаний о Золя, пишет, что Золя «указал роману новый путь, вводя в него описания и анализа современных экономических и социальных гигантов и их влияние на характер и участь людей, — это было смелым решением».

Для нас наибольшую ценность представляет критическая сторона натурализма Золя, — его антибуржуазность, антибуржуазная критика его романов 70-х годов, — «Чрево Париза» или «Накшис», где в разложении в качестве тезиса-эпиграфа стоит: «Показав буржуазиям обожание, в самом отрицательном виде, что она считает себя воплощением порядка и добродетели».

У Золя нередко можно встретить оригинальные для его времени мысли, сентенции

рущие капиталистическое действительность: «Забастовка означает состояние войны между классами», или «Военная машина лишь подготовит войну — настоящие их в зависимости от руководителей промышленности». Легко можно опровергнуть распространяемое предположение о том, что натурализм-Золя чужды обобщения. Это не соответствует действительности, поскольку речь идет о социальной философии. Но никак нельзя упускать из виду, что Золя в целом не вышел за пределы реформизма и что его литературно-политическое завещание был роман «Труд» — утопия о гармонической жизни «труда, капитала и таланта».

Золя, как социальный писатель, интересен не только своей социальной тематикой; героев своих романов он лепит так же, как образы, типы социальные. Взять хотя бы Лизу Маккаров из «Чрева Париза». «Я хочу наследить свою героиню», — пишет о ней Золя в «Наброске», — «честность ее класса и показав, какая бедная труслив и жестокости скрывается в спокойной плоти буржуазной женщины... Я создам «сюрреалистическую» женщину... Но социально и морально она окажется злым ангелом, и все ее приспособления все будет блекнуть и разлагаться». Это ли не тонкий социально-психологический портрет!

IV.

Современная Золя французская реакционная критика, борющаяся с материализмом Золя, его антибуржуазность, антиреволюционность, антиимпериализм, муссировала вопрос о художественных недостатках писателя. Слов нет, Золя нехватает филигранного мастерства таких писателей, как Флобер. Но тот же Флобер, и изощренный Малларме, и, наконец, эстет А. Франс ценили Золя-художника. У Золя, несомненно, имеется своеобразная, художественная система изображения, оригинальный стиль.

Творчество Золя отличается публицистичностью, но ангажированность достигается у него некими, чем у романтиков, средствами, а не при помощи примитивных высказываний «от автора». Эта стилизованность являлась, видимо, основанием к тому, чтобы обобщить Золя писателем, отбрасывающим «объективную» фотографическую объективность. Но секрет описаний Золя в том и состоит, что она становится носителями идеи, что они идеологичны, будучи тесно связаны с развитием действия романа, с жизнью персонажей, подчеркивая, цуантируя социальную тему романа. Ни в творчестве, ни в жизни «наблюдатель» Золя (достаточно упомянуть об участии его в деле Дрейфуса) никогда не отличался совершенствованием.

Мы далеки от идейных увлечений Золя, нам чужды многие его идеалы, но, будучи верны истории, мы не должны забывать, что искажать образ писателя, который одно время вошел в ряды борцов широкого рабочего фронта, социального писателя, который был гражданином прогрессивного человечества.

М. ЗИХЕНГОЛЬЦ

Н. КРУПСКАЯ ЧТО ПРИВЛЕКАЛО МЕНЯ В РОМАНАХ Э. ЗОЛЯ

Первая вещь Э. Золя, которую я прочитала, будучи еще в старшем классе гимназии, была рассказ «За ночь любви». Мне он ужасно не понравился, и после этого я Золя долгое время ничего не читала. Не очень охотно пошла я несколько лет спустя на французский спектакль (в Михайловский театр), где ставились пьесы Золя «L'assommoir» («Западня»), куда меня усильно тащила моя гимназическая подруга. Это было время, когда я только что вступила в марксистский кружок, «Западня» очень меня заинтересовала. Она давала яркую картину быта французских рабочих. На этом фоне и картины разврата, которые достаточно обильно описываются у Золя, предстали в другом виде, как иллюстрация тяжелейшего положения рабочего класса при капитализме.

С громадным увлечением прочла я «Жерминаль» и затем стала прямо глотать его романы один за другим. С художественной стороны они мне не очень нравились. На наших классиков мне, как художника, больше всего нравились Лев Толстой. У Золя нет такого умения отображать действительность, как у Толстого. Многие места носят у Золя искусственный характер. Видно, что они надуваны автором. Разные романы

написаны по-разному. Привлекала широта выдвигаемых вопросов, социальная подкладка его романов.

Владимир Ильич ценил Эмиля Золя, как писателя, имеющего отношение к 1897 году встает на защиту Дрейфуса. Дрейфус был капитан французского генерального штаба — еврей. Революционная война и казнили доблестных суд над Дрейфусом и осуждения его якобы за измену отечеству, подосадовив ряд фактов. Это было началом похода монархистов против республиканского строя, давшего право евреям занимать офицерские должности. Требования Эм. Золя, Анатоля Франса, Жюль Верна, Жюль Верна вызвали со стороны реакционной войны бешеную их травлю. Монархисты делали попытки военного переворота. Дело Дрейфуса вызвало громадное возмущение в стране, массовые демонстрации.

Когда весной 1898 г. я приехала в Владимир Ильичу в ссылку в Сибирь, в его альбоме я нашла карточку Эм. Золя.

Из произведений Эм. Золя, насколько помню, Ильич больше всего ценил «Жерминаль» — роман, отражающий жизнь рабочих-углекопов.

ЗА РУБЕЖОМ

КНИГА О ФАШИЗМЕ

Журнал «Левый ревью» (Англия) в сентябрьском номере дает рецензию на книгу итальянского журналиста Джованни Джильо «Торжество Варваров».

Под Варварой автор подразумевает Муссолини. У Джильо свои счеты с дуче. С 1919 по 1929 год он работал в Риме корреспондентом английской газеты «Дейли геральд». В 1929 году был выслан и целый год прожил в пограничных швейцарских и французских городах, откуда продолжал писать о фашистской Италии.

Джильо в «Торжестве Варваров» не ставит перед собой серьезных политических задач, — говорит «Левый ревью», — но он дает правдивую картину фашистской диктатуры. Он показывает итальянского фашизма с момента убийства Маттеотти до недавнего совершенного убийства братьев Ровелли и рисует его, как варварскую классовую диктатуру итальянских капиталистов, эверски расправляющуюся с рабочими и бедняками крестьянскими.

Автор дает очень много материала о Муссолини. Некоторые факты известны, но они такого рода, что не мешают их запомнить. Книга Джильо неглубокая, — заявляет свой анализ «Левый ревью», — но она проникнута настоящим человеческим чувством, и против правдивых фактов трудно что-либо возразить.

КРИЗИС В КИНО-ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Журнал «Левый ревью» французского происхождения, с вопросом о киноиндустрии во Франции неблагоприятно. После разочарования, вызванного разразившимся «пеллером» Ренуара «Великая иллюзия», приходится прийти к заключению, что во Франции нечего ждать сколько-нибудь значительной вещи для кино. Последние фильмы настолько посредственны, что приводят критиков в отчаяние. Режиссеры портят хорошие романы, ищут публичности плохих сделанных фильмами и талантируют без всякой меры. Лучшим фильмом в конце концов приходится признать комедию «Пепе-Мико», что довольно плачевно, так как даже у американцев комические фильмы интереснее. Нельзя сказать, что во Франции переживается хорошие сценаристы. Имеются прекрасные постановщики — Жан Ренуар, Жак Феллер, Бенуа Леви и др. Есть и талантливые актеры.

Чем же объясняется беспрепятственное процветание? Капиталистическая экономическая индустрия киноиндустрии, — говорит журнал и добавляет: «В СССР имеются все возможности добиться высокого качества произведений, во Франции же фильм должен быть обязательно сработан в 3 недели, иначе он будет мерзостью».

«Июдофа у Нана». Издательство «Academia» выпускает «Нана» Эмиля Золя в рисунках художника К. Руданова.

А. МЕЛЬНИКОВ

Собственный корреспондент «Вестника Европы»

Денкиа Ле Блон — дочь Эмиля Золя, в написанной ею книге об отце, говорит: «Юма стало знаменитым в России гораздо раньше, чем во Франции». К этому следовало бы добавить, что в семидесятых годах Золя нашел в России не только большую славу, чем у себя на родине, но и более глубокое понимание его творчества.

Ряд его произведений был опубликован на русском языке в то же самое время, когда он выходил во Франции. Большая часть его критических статей была напечатана только в России. Н. К. Михайловский имел все основания утверждать, что «Золя стал популярнее русским писателем».

Популярность Золя в России началась с «Руго-Маккаров». Его первые произведения, написанные в 60-х годах, почти не обращали на себя внимания русской критики. В «Юридических Записках» и «СПБ Вестнике» можно найти упоминание его имени, но ни одно из его произведений еще не было переведено на русский язык. Только в июле и августе 1872 года «Вестник Европы» печатал сокращенный перевод первых двух романов из серии «Руго-Маккаров».

С этого времени начинается слава Золя в России. Уже к концу 1872 года оба романа выходили отдельными изданиями. В начале 1873 года роман Золя «Чрево Париза» од-

новременно печатается в шести русских журналах. А в 1874 году, когда романы Золя печатались не только в русских журналах, но и в газетах, И. С. Тургенев писал ему: «В России читают только вас». И спустя еще три года Тургенев снова ему пишет: «Вы, как и прежде, самый популярный писатель». Как бы ни преувеличивал Тургенев популярность Золя, не подлежит сомнению, что в 70-х годах автор «Жерминаля» в самом деле был одним из популярных иностранных писателей в России.

В 1875 году Золя выступил перед русскими читателями не только как романист, но и как критик. Благодаря посредничеству Тургенева он сделался постоянным сотрудником «Вестника Европы». С мая 1875 года по 1890 год почти каждая книжка «Вестника Европы» содержала очерки «Парижские письма» Золя. Иногда это были рассказы или отрывки из неопубликованных романов, иногда — очерки, в большинстве же случаев — критические статьи.

Всего «Вестник Европы» напечатал 64 корреспонденции: среди них 24 критические статьи, отрывки из «Западни» и «Нана» и новеллы, получившие впоследствии большую известность («Осада мальчишки», «Наводнение» и др.).

На первых порах Золя соглашался писать свою статью с Тургеневым. П. Д. Бобо-

рыкин рассказывает: «Во всем, что касалось России и сотрудничества в русских журналах, Золя слушался безусловно своего приятеля и собрата И. С. Тургенева. Он мне прямо и сказал: «Позвольте мне переговорить с моим другом Тургеневым; он так много для меня сделал и продолжает так дружелюбно относиться ко мне, что и я выйду без его совета во всем, что касается русской литературы и прессы».

«Парижские письма» не имели столь прочного и длительного успеха, как романы Золя. Но зато на первых порах они были встречены восторженно и оказали громадное влияние на русских читателей. Многие знали Золя слишком близко социальным и мировоззрением передовых кругов русского общества, чтобы не встретить самого горячего отклика.

В 60-х и 70-х годах романтизм и идеализм уже отошли в прошлое. Учащаяся молодежь была увлечена т. н. вульгарным материализмом. Поклонники Бюхнера и Фохта пытались черпать в физиологии материал для разрешения многих вопросов этики, искусства, философии. Золя высказывал очень сложные взгляды. В одном из «Парижских писем» он писал: «Экспериментальный роман захватывает и дополняет физиологию, заменяет изучение абстрактного, метафизического человека изучением человека естественного, подчиненного физико-химическим законам и определяемого влиянием среды».

У поклонников Бюхнера и Фохта статья Золя, естественно, имела успех.

Другой важной чертой творчества Золя, привлекавшей к себе особое внимание русских писателей, была социальная направленность его произведений. Критика тотчас же это отметила. Боборыкин подчеркивал наличие «социально-правительственных принципов» в его творчестве.

В Чуйко писал: «Золя принадлежит к той группе французских писателей, которые своих гражданских обязанностей не отделили от своих занятий как художников». И только реакционный «Русский Вестник» с огорчением констатировал, что русская журналистика ценит романы Золя «именно за нравственную и политическую их сторону».

Еще большее значение русская критика придавала «Парижским письмам» Золя в первый период его сотрудничества в «Вестнике Европы». Нужно отметить, что сам он относился к своим статьям, как к единственной в то время возможностью пропаганды натурализма.

«Он не просто пишет корреспонденцию в русский журнал», — отмечал Михайловский, — а вкладает в эти корреспонденции свое душевное, которое, кажется, даже не решается высказать у себя на родине».

Насколько были правы эти слова, мы можем судить по признанию самого автора «Парижских писем»: «Пользуясь случаем, — писал он, — выражаю благодарность этой великой стране, принявшей и усилившей меня в то время, когда во Франции первое мое открытие все двери и самого меня заперли на замок».

Однако пропаганда натурализма не могла иметь длительного успеха. Действительно не имела его. Передовые русские читатели не могли примириться с тем объективизмом художественного творчества, который провозглашал Золя в своих «Письмах».

Провозглашая Золя в своих «Письмах» романтизм, были понятны и дороги русским читателям глубокими идеями социальной справедливости. И именно выступления Золя против Жюль Верна и Гюйо вызвали недовольство значительной части русских читателей. В критике, особенно в демократической и народнической прессе, все чаще стали раздаваться голоса, осуждавшие основные положения натурализма.

В Чуйко писал: «Золя принадлежит к той группе французских писателей, которые своих гражданских обязанностей не отделили от своих занятий как художников». И только реакционный «Русский Вестник» с огорчением констатировал, что русская журналистика ценит романы Золя «именно за нравственную и политическую их сторону».

И к концу 70-х годов в демократической русской печати установилось почти единодушное мнение, что Золя «увлекается чисто формальной стороной затронутого им вопроса».

Редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич менее всего был склонен принять на себя ответственность за взгляды Золя. Вначале он сделал несколько попыток сманить некоторые наиболее резкие положения своего парижского корреспондента. Однако тот не соглашался ни на какие смягчения. В 1879 году Стасюлевич пустился на критику: он изменил терминологию писем, — всюду «натурализм» был превращен в «реализм». Разумеется, это мало помогло делу. Нападки на натуралистическую школу в каждом издании усиливались.

В начале 1880 года Стасюлевич в одном из редакционных примечаний прямо отмежевался от взглядов Золя. С этого времени начинается быстрое охлаждение между «Вестником Европы» и его парижским корреспондентом. Загруженный работой, Золя начинает завышать со своими статьями; редакция уже не напоминает о необходимости большей аккуратности. «Парижские письма» печатаются все реже и реже и к концу года прекращаются совсем.

Впрочем, и сам Золя к этому времени уже не был заинтересован в сотрудничестве в русской прессе. В 1880 году его имя во Франции стояло уже в центре литературных споров, и он имел полную возможность защищать свои взгляды во французской печати.

Статьи и корреспонденции Золя, напечатанные в «Вестнике Европы», полностью не опубликованы на французском языке до сих пор. Еще совсем недавно одна из этих статей, переведенная на французский язык, привлекла к себе за границей большое внимание и вызвала оживленное обсуждение.

Карикатура А. Жиппа «Золя и Бальзак» из серии «Современники».

